

Испытание сумерками цивилизации.

«Молодость и творческая пора нашей культуры
прошли, наступили ее старость и сумерки».
Ф. Ницше.

Ницше умер в 1900 году. За двадцать лет до его смерти родился Освальд Шпенглер, впоследствии написавший свою знаменитую книгу «Закат Европы». Так что эта мысль была высказана ещё в XIX веке и вновь повторена в XX-м. Позднее эту тему художественно исследовали Брэдбери («451 градус по Фаренгейту») и Герман Гессе. Последний в «Игре в бисер», вышедшей в 1942 году, описывает то, что он называет «фельетонной эпохой», в таких характеристиках, которые можно буквально отнести к нашим дням:

«Бандиты духовного поприща (авторы «фельетонов». АК). «Фридрих Ницше и дамская мода шестидесятых-семидесятых годов XIX века», «Любимые блюда композитора Россини», «Роль болонки в жизни великих куртизанок»...

...Дикое и дилетантское перепроизводство во всех искусствах.

(Эти) ...игры были не просто бессмысленным ребячеством, а отвечали глубокой потребности закрыть глаза и убежать от нерешенных проблем и страшных предчувствий гибели в как можно более безобидный фиктивный мир. (У нас это ещё и увлечение виртуальной реальностью, «Мета-вселенная» Цукерберга и пр. АК).

...Свидетельство ужаса, охватившего дух, когда он в конце эпохи вроде бы побед и процветания вдруг оказался лицом к лицу с пустотой: с большой материальной нуждой, с периодом политических и военных гроз, с внезапным недоверием к себе самому, к собственной силе и собственному достоинству.

...Унылая механизация жизни, глубокий упадок нравственности, безверие народов, фальшь искусства.

...«Музыка гибели», как долгогремящий органный бас...».

Таким образом, хотя развитие событий всё отчётливее подтверждает наблюдения философов и художников начиная с середины XIX века, никакого впечатления на человечество они не произвели. По-видимому, люди не видели связи этих картин с основными, всё это время жестоко противоборствующими и разделявшими мировое сообщество идеологиями. Таковыми были – с начала XX века социализм и капитализм, а затем в XXI веке после короткого перерыва – авторитаризм и демократия. При этом никто не заметил, что параллельно с этим противоборством власть в мире прибирала к рукам третья идеология, прикрывавшаяся невинным именем экономики и с одинаковым успехом использовавшая любую форму государственного правления. Начиная с середины 20 века она сделала стремительный рывок и в настоящее время, по-прежнему прячась за якобы прогрессивным и создающим всеобщее благополучие представлением о растущей экономике и свободном рынке, овладела всеми сторонами человеческого существования и с ухмылкой наблюдает за игрушечным противоборством демократов и автократов. Их ожесточённый спор, при котором создаётся впечатление, что стороны просто не слышат друг друга, не сможет прийти к разрешению, поскольку и та и другая пользуются в политической борьбе одними и теми же, пока неограниченными ресурсами большого бизнеса и, по существу, работают на укрепление власти этой третьей силы, назвавшей

наконец свою цель «глобализацией».

Прочитывая этот термин как символ объединения, мировое сообщество вновь заблуждается. Осуществляющие проект проponentы либеральной экономики и свободного рынка – ныне уже анонимные международные корпорации и стоящий за ними один процент наиболее богатой части населения земли, всего лишь бесстыдно объявляют о едином поле сражений за свои финансовые интересы, которые никак не учитывают не только провиденциальные цели человечества, но даже его житейское благополучие.

Сопротивление такой тенденции невероятно осложнено избалованностью значительной части населения относительным благополучием, и упомянутой анонимностью противника.

И поскольку среди действующих в настоящее время в мире сил практически отсутствует источник новых, достаточно влиятельных идей, остаётся уповать на неизбежное развитие событий в том направлении, которое они приняли. Глобальная схватка корпораций наверняка примет форму тотальной войны, не будет сдерживаема ни этическими нормами, ни какими бы то ни было международными институтами и, как подтверждает история, по природе вещей не предусматривает победителя. Исходом её станут только массовые разрушения и всеобщее обнищание.

Так что нам придётся подождать, пока безудержный экономический рост не исчерпает свои возможности и, превысив собственную жизнеспособность, сам себя не уничтожит, подобно раковой опухоли. Процесс, скорее всего, затянется надолго, и, возможно, живущим сегодня он ничем особенно не грозит – если это можно счесть утешением.

Это цена, которую человечество вынуждено будет заплатить за свою близорукость, спровоцированную Просвещением и Бэконской революцией.

* * *

Но если вы хотите воспользоваться пока ещё предоставленным нам временем, вернуться ко временам до этих двух судьбоносных ошибок и попробовать восстановить прерванную традицию, утверждавшую, что Знание не только Сила ("scientia est potentia"), но и Мудрость ("sapientia est potentia"), мы можем попробовать. Только вынуждены будем воспользоваться обобщающим языком мифа. Вот один из возможных вариантов.

1. До сих пор, за несколько тысячелетий своего разумного существования человечество сумело овладеть всего двумя безусловными и фундаментальными истинами.

Начиная осваивать окружающую его действительность, человеку пришлось сначала выделить созидательную силу Вселенной, как нечто самостоятельное и внешнее по отношению к миру. Многие крупные явления свидетельствовали о множестве сил, богоподобных существ – богах Солнца, Луны, Земли, Воды, Огня, Любви, Смерти... Для упорядочения этой картины владыки стихий представлялись аналогичными земной власти, которая и сама вскоре начинала уподобляться божественной.

Поскольку их нельзя было непосредственно увидеть, и являлись они только в своих действиях, оказалось полезным создать их символические вещественные образы. И постепенно складывалась ритуальная система общения с этими богами, которых можно восхвалять, задабривать, просить о защите и помощи. Одновременно создавался и мифический небесный мир богов, с их внутренней иерархией и отношениями, опять-таки

во многом копиравший земную жизнь – общественную и семейную, но несравненно более могущественный и с элементами сверхъестественного.

Эти представления всё ещё очень близки к материальному миру, и их нельзя считать откровением, поскольку они уделяют человеку слишком незначительную и полностью подчинённую роль твари, почти наравне с животными и природой.

2.

Однажды человек догадался, что все эти силы не самостоятельны, и что за ними стоит одна, по отношению к которой они сами находятся в подчинённом положении. Одно из объяснений того, как и почему это произошло, связано с новым осознанием важности вещей как таковых, и в частности – безусловной важности вопроса, кому должен человек служить. (Такую версию предлагает Томас Манн в главе об Аврааме из романа «Иосиф и его братья»)

Человек был смертным и преходящим, тогда как вещи, природный мир оставался огромным и неизменным, постепенно приобретал невероятный вес и требовал какого-то особенного внимания и отношения. Иначе человек терял уважение к себе. Таким образом человек начинал поднимать себя от земли и, пока ещё в незначительной степени, но уравниваться в правах с высшими силами.

После пристального наблюдения за внешним миром и его явлениями, сложился образ единого владыки, который всеми высшими силами повелевает и управляет, и с которым человеку единственно стоит иметь дело. В таком открытии присутствовала некоторая дерзость духа, но оно значительно повышало достоинство человека. Одновременно это был скачок, преодолевший немислимое пространство, отделявшее человека от принципов мирового устройства, впервые приблизивший его к непосредственному постижению этих принципов. Так что это открытие можно назвать Первым Откровением.

Велико было и радикальное преобразование представлений о месте человека в таком мире. Понадобились многие столетия, чтоб новая мысль развивалась и обогащалась, обрастая подробностями и противоборствуя с инерцией прежних, не столь многообещающих представлений. Вместе с этими преодолеваемыми представлениями в образе единого Творца исчезали многие земные аналогии. Это был, по существу, совершенно новый, неведомый прежде образ, так что о нём можно говорить, как об «открытии» Бога. Честь этого открытия принадлежала Аврааму, имя которого означало и «Мой отец величествен», и «Отец величественного», и этимологически можно было видеть в праотце родителя Бога – по крайней мере таким он предстал для своих последователей, которым раскрывал глаза. И хотя ни о какой чрезмерной близости не могло быть и речи, отношения человека с Богом становились чуть более личными. В чрезвычайной ситуации человек мог настаивать на частной аудиенции, и удостаиваться её, как в случае самого Авраама при кризисе с Содомом и Гоморрой, в персональной тяжбе Иова и дважды в случае Моисея.

Однако, роль Создателя как Владыки и Хозяина вселенной оставалась незабываемой. А человек и Бог, обращаясь друг к другу как «я» и «ты», были всё же отдельными явлениями, существующими на огромном расстоянии друг от друга, и Авраам был только человеком, перстью земной, хотя и связанной с Богом познанием и освященной существованием бога в качестве «ты». Что оказалось возможным, так это заключить с Богом договор, завет.

Неожиданным новым свойством Бога было отсутствие у него историй, невозможность что-либо о нем рассказать, кроме совсем уж в незапамятные времена случившегося сотворения мира. И вместе с тем, его вездесущности отнюдь не свойственна была одна величественная неподвижность. Завет включал некое совместное будущее. Неограниченному владычеству бога ещё предстояло осуществиться не только в сознании Авраама и его сторонников, но на всей земле – окончательно взять власть над действительностью, которая станет его Правдой. Вместе с таким заветом пришла в мир проклятая возможность нарушить его, отпасть от Бога.

Но будущая осуществлённая божественная Правда выглядела статичной, как некое блаженное, лишённое страданий и переполненное счастьем состояние – сумма знакомых человеку по опыту его жизни положительных переживаний.

3.

Очевидно инстинкт подсказывал, что подобное окончательное разрешение судьбы Мироздания ещё не поднимается до истинного величия ни Бога, ни человека.

Человек продолжал тяжкий труд постижения, и по прошествии двух тысячелетий, его посетил новый образ – Сына Божия, то есть, уже не эпической, а непосредственной родственной связи с Творцом. Это была намного более живая, даже чувственная связь человека с Создателем, которая привела к очередному радикальному перевороту в представлении о роли человека, и почти вплотную приблизила его к самим основам Мироздания. Значение этого шага в эволюции человечества так велико, что его с полным основанием можно считать Вторым Великим Откровением.

От архаических аналогий, сопутствовавших прежним представлениям о Боге, упрощавшим и затемнявшим идею изначальной высшей силы, осталась лишь одна – семейные узы отца и сына. Это сокращало преграды к окончательному усвоению задач Творения и высвобождало ощущение личной причастности к ним – сыну должно быть известно о намерениях отца больше, чем рядовому участнику мирового процесса. Однако, действующих лиц в этой драме пока всё ещё двое, а конечная цель по-прежнему видится, как покойное состояние радости и блаженства. Добавилось к нему только жадно чаемое человеком осуществление высшей справедливости – последний суд, который навсегда разделается со всеми его притеснителями и врагами добра.

4.

Вот уже третье тысячелетие человечество уверенно пожинает плоды этого, последнего по времени прозрения. И всё же интуиция не оставляет его в покое. Человек постепенно сознаёт, что обретенное знание в сущности сводит его участие в мировом процессе к ожиданию. Всё, что от него требуется, это удержаться от пороков, чтобы прийти к развязке целым и невредимым. А он догадывается о существовании в себе сил для более созидательной деятельности. Плоды же усилий, которые он предпринимает для устройства своей жизни на земле, перестают его удовлетворять и, по всей видимости, никак не соотносятся с Мирозданием в целом.

Углублённое исследование собственного опыта подсказывает ему, что Второе Откровение вероятно не было последним, и он начинает нащупывать пути к возможному следующему откровению. Удерживая в памяти, что каждый новый шаг был связан со всё более прояснявшимся представлением о Творце, человек не может не обратить внимания на очищение этого образа от житейских аналогий, от примет собственного существования,

которыми он спешил снабдить Бога. Но если единственная оставшаяся аналогия – это семейная родственная связь отцовства и сыновства, чем же сможет определиться новая идея? И может ли вообще человек удержать в сознании идею Бога без сопровождающего её образа, который, каким бы он ни был, неизбежно будет представляться отдельным, внеположным ему самому?

Человеку предстоит, сбросив морок аналогий, включить самого себя в представление о Творце.

Какой бы причудливой ни оказалась эта идея, ясно, что она будет означать последнее и безусловное, не прикрытое никакими дополнительными атрибутами единство. Человек обнаружит, что кроме него самого, его изначальной сути, никакого внешнего Творца нет и не было, что в нём самом и содержалась эта мирозозидающая потенция, дополнительным и завершающим штрихом которой стала гениальная способность чувственного восприятия мира. Этот дар послужил окончательным толчком к началу Творения, и именно ему надлежало определять будущее развитие. Рождение мира было экспериментом, риском с изначальным неведомым исходом, возможности которого ничем не ограничивались, кроме этического требования такой мир осуществить, поскольку он являл собой добро – ту самую, упомянутую в Завете первого Откровения божественную Правду, отсутствие которой оставалось бы чистым Небытием и никому вообще ничего не сулило.

Слабый намёк на это можно усмотреть в признаниях Христа, всё ещё выраженных старым удваивающим способом: «...Прославь Меня Ты, Отче... славою, которую *Я имел у Тебя прежде бытия мира*». Или: «...Славу Мою, которую Ты дал Мне...*прежде основания мира*». (Евангелие от Иоанна. 17:5,24). Здесь явно речь идёт о довещественных временах, когда разделяться было ещё нечему, и вопрос Творения решался единым творческим усилием. Художественный пример такого предполагаемого внутреннего диалога можно найти в современной литературной версии «Книги Иова» :

«Было время, когда ты не стеснялся со мной советоваться. Это уж потом ты разгневался: где, мол, я был, когда ты полагал основания земли... И так далее, и так далее... Вот там и был. И позволь тебе напомнить, что прежде чем полагать основания, ты, по мудрости и по совести своей, спросил меня: готов ли я разделить с тобой хлопоты творения, при том, что мне достанется самая мрачная его сторона – конечность земного существования и вся, с ним связанная боль. А я, восхитившись возможностью на особый, человеческий лад приобщиться к восторгу творчества, дал тебе своё согласие». (А. Ковалёв «Вдвоём»)

Сложность в том, что эта новая идея Бога должна оставаться доступной человеческому сознанию, но уже не может быть выражена в каких-либо формах житейского порядка. Возможно, мы переживаем эпоху предшества. И следует внимательно прислушиваться, чтобы не пропустить появление предтечи, каким стал для Христа Иоанн Креститель, чтобы успеть приготовить себя к принятию нового откровения.

Тем временем, все ощущают, что зашли в какой-то тупик. Выхода никто не видит, и людьми овладевает состояние опустошённости и смиренного ожидания.

Можно было бы, в общем-то, и описать эту безликую несущую силу, захватившую существование до самых малых его пределов. У неё сохранилось даже старое название – экономика, хотя оно давно уже не соответствует традиционному понятию, носившему это имя, и никто толком не знает, каково сейчас назначение этой силы и в чём смысл её

использования. Она производит ряд эффектов – существенно обогащает очень ограниченное число населения, создаёт относительное благополучие для несравненно большей его части, не спасая от нищеты ещё одну, немалую часть и стремительно расходует земные ресурсы, меняя в худшую сторону природные условия для всех. Всё это лежит в области материальной. Никакой иной стороной человеческой жизни экономика интересоваться не может, но благодаря своему проникающему влиянию, она подчинила себе все сферы, которые могли бы по природе своей пробудить в человеке любопытство к его судьбе. То, что некогда на равных правах соседствовало с экономикой и называлось культурой, незаметно превратилось в псевдо-идеологию под именем «рост-доходы-производство-потребление». При этом все части этого названия тоже изменили свой первоначальный смысл, в большой мере лишились связи с живым человеком и стали просто оперативным инструментом всё той же безличной экономики.

Говоря языком мифа, человечество угодило в лапы Молоха – божества жестокой неумолимой силы, способного наделить выдающимися навыками и удачей, но требующего награды, цена которой слишком велика, хотя выясняется это не сразу. Сначала наступает разочарование. Потом, от неподъёмности задачи высвободиться приходит состояние резиньяция и ожидания, и только много позже удушливое чувство ловушки может родить желание вырваться. В настоящий момент мы, похоже, находимся на второй ступени. Затаились и чего-то ждём. И при этом большинство продолжает пассивно или активно питать эту анонимную силу и поддерживать её инерцию, всё больше отвыкая от традиционной мудрости и окончательно утрачивая интерес к своему предназначению.

Где же выход? Ждать, когда кончится терпение? Но предположим, что у пришедшего в отчаяние человека хватит сил, чтобы развалить опутавшую его систему. С чем останется он, забывший, что потерял, разучившийся всему, кроме производства товаров, которые ему не нужны, и накопления средств, которыми он не в состоянии воспользоваться?

К счастью, даже в отсутствие культурных стимулов каждый всё ещё подвержен переживаниям основных событий – любви, рождения ребёнка, утраты близкого, воодушевления собственным творчеством. Это – изредка открывающиеся окна в жизнь. Её не следует путать с существованием, которое мы ведём и по привычке называем жизнью. К нему нас готовят с детства – чтобы выжить и обрести необходимую устойчивость, человеку нужно прежде всего освоить современную ему форму существования. Она состоит из безмерного количества самых разнообразных занятий, которым можно обучиться, которые, по принятому представлению, приносят пользу и обеспечивают средства для проживания. Масштаб этой совокупной деятельности так велик, а её общий смысл так отдалён, что о нём и не задумываешься, предполагая, что он есть. Мысль о том, что этим жизнь не исчерпывается, приходит не сразу, а может и вовсе не прийти. И когда она всё же появляется, вновь наступает время готовиться – теперь уже к самой жизни. Срок, отпущенный человеку невелик, и чаще всего он не успевает даже приготовить себя, уж не говоря о том, чтобы осознанно в этой жизни поучаствовать.

О ней, об этой большой жизни как раз и свидетельствуют те значительные события, которых в судьбе каждого человека, однако, не так уж много. При этом все они сразу становятся плотно окутанными внешними приметами существования – браком, семьёй, обрядами, публичным успехом, которые удерживают от проникновения сквозь

пределы видимости, и смысл истинной жизни, стоящей за ними, остаётся скрытым. А когда человеку всё же удаётся ухватить её признаки и удержать их в себе, вместе с пронзительным ощущением истины и освобождения, его ожидает сильнейшее разочарование. Уже познакомившись с разницей между жизнью и существованием, он сознаёт, что вынужден это неполноценное, не предполагающее подлинной цели существование продолжать, поскольку не в его силах вывернуть тяжёлый, затканый предубеждениями полог существования наизнанку, чтобы нерасшитое, но полное возможностей полотно жизни обнажилось для всех. Окружающий его мир предстаёт в неблагоприятном, сковывающем свете, и человека охватывает скорбь. Если бы не это, внезапно дарованное ему яркое ощущение жизни – с которым, впрочем, он не знает, что делать – продолжать бессмысленное существование стало бы невыносимым.

Отныне этот немой пророк жизни обречён на одиночество, мера которого недоступна ничьему пониманию, кроме считанных несчастливцев, попавших в ту же западню. Их так мало, что шансы на встречу ничтожны. А ему становится всё нестерпимее наблюдать, с какой увлечённой серьёзностью люди тратят время на неполноценное и бесплодное существование. Но однажды, взглянув на них со своей одинокой высоты и вспомнив о собственной бесполезности, он устыдится и расстанется с высокомерием.

Подобный жребий продолжает выпадать тому или другому, напоминая о том, что эта способность в человеке заложена и сохраняется, и что есть у неё некое предназначение. Понимая важность истины о жизни, человек ищет средства разделить её с остальными, быстро убеждаясь, что и самым изощрённым словом она не передаётся. Даже ещё более проникновенный образный язык искусства остаётся бессильным. Так приходит к нему осознание, что к жизни он и сам ещё не готов. И следующим своим усилием приготовить к ней он полагает поиск нового, неведомого пока способа общения. Тогда и его отношение к современникам меняется. Он уже не удивляется их пустым увлечениям, не осуждает и даже не жалеет их, а старается утешить и ободрить. «Действуйте, действуйте, - поощряет он их, - делайте что вам угодно. Только потерпите ещё немного. Скоро с Божьей помощью мы отыщем этот общий язык».

Есть искушение назвать его метаязыком, но очень уж испоганили эту злополучную приставку, разбрасывая её по всем возможным углам. А кроме прочего, совершенно ясно, что новый способ общения не может быть ни какой-то замысловатой комбинацией существующих, ни итогом головоломных алгоритмических исчислений. Не в системе известных связей и отношений скрывается новый язык. И нет иного пути к его обретению кроме возврата к тем немногим, общим для всех событиям, недвусмысленно свидетельствующим об истинной жизни. Но обнаруживается, что это не единый язык, что у него несколько воплощений.

Любовь. Все житейские формы, которые она принимает – от романтических и трагических крайностей, до бытовых условностей брака – быстро уводят от божественного чувства невообразимого, почти неохватного единства, непрерывного и непреходящего восхищения предметом любви, в котором воплощён полноценный образ человека. Вместе с ним внезапно открывается готовность увидеть этот образ в любом другом и очевидная невозможность для другого быть лживым, жадным, злым или себялюбивым. Если бы удалось поддерживать в себе это ощущение, оно неизменно излучалось бы, и не было бы нужды в каком-то ещё способе общения – это и был бы тот

самый проникновенный и понятный каждому язык, вызывающий ответное желание любить и быть любимым.

Не менее проникновенным является и простейший, созданный природой путь к созданию такого будущего всеобщего возлюбленного – рождение ребёнка. Этому, открытому для любых впечатлений существу неизбежно придётся освоить современную ему форму существования. Но что же мешает с самого начала привести в это житейское обучение мотив ожидания? Избавить укоренившиеся нормы от излишней тяжести и окончательности. Дать новому человеку как можно раньше ощутить, что при всей важности этих норм – поскольку они удерживают человека в пределах вещного мира – в них отсутствует самостоятельное значение и живительная основа. Пусть вы не сможете эту основу ребёнку назвать – дети гораздо более восприимчивы к неведомому, именно потому что для них весь мир полон неведомым, и их жажда постигать несоизмерима с усталым любопытством взрослых. И тогда любой, самый незначительный случай совпадёт с ожиданием и пробудит в нём то ощущение таинственного богатства жизни, к которому мы приходим слишком поздно, если приходим вообще. Такова воспитательная форма этого языка.

Утрата близкого, тяжко напоминающая о временности человеческого существования, способна в пределах одной судьбы погрузить человека в бездну отчаяния. Она же, как никакое иное переживание поднимает на истинную высоту ценность и величие утраченной любви. И может вновь пробудить некогда испытанную готовность видеть образ возлюбленного – полноценный образ человека в любом другом, даже когда это переживается, как упущенная возможность любить всех и передавать им этот дар любви. Печальный язык утраты сообщает ещё об одной стороне жизни – о любовном бессмертии.

Ещё одну форму языка предлагает ни с чем не сравнимое воодушевление художника, берущегося за очередное произведение и успешно его завершающего. Это единственный доступный способ воспеть любовь и само Творение. Заявить об их существовании и величии вещественным образом, воздать подобающую хвалу Творцу. Религиозные обрядовые восхваления от частого повторения и однообразия лишаются необходимой взволнованности. Искусство же способно бесконечно находить новые формы этой благодарности. И смысл её отнюдь не в одном признании величия Творца, а в подтверждении своей принадлежности к Творению и собственной способности творить. В этом своём воплощении язык столь же неназываем, как и каждый раз нов, но всегда понятен желающему слушать.

Эти изредка открывающиеся окна в жизнь и сопутствующая им кажущаяся немота подтверждают несомненное присутствие некоего образа или идеи изначально включённых в Мироздание и по значению своему равноценных откровению Авраама или Иисуса. Возможно, именно этот образ ждёт открытия его человеком. Предвестием его явилось представление о Святой Троице, непонятным образом возникшее вместе с идеей Богосыновства. На него намекает и пустующее место в этом знаменитом символе, условно занятое пока смутным и чуть ли не посторонним представлением о Святом Духе.

В каких же сферах может витать такой образ?

Первое Авраамово откровение отличалось абсолютной полнотой, поскольку не касалось непосредственно дольного мира, а относилось ко всей Вселенной. Откровение о Богосыновстве, спускаясь к земле, было не столь полным, так как, утверждая

непосредственную связь человека с Творцом, оставляло открытым вопрос о его предназначении в мире. Возможно, Третье откровение призвано на этот вопрос ответить, завершая образ Троицы. Две её составляющие – Отец и Сын – уже явлены и освоены. Третьим же в этом единстве по-видимому должна быть не менее значительная оставшаяся часть Мироздания – сотворённый дольний мир, изначальное созидание которого предприняли первые двое – Творец Вселенной и его чувственный двойник, первочеловек, и продолжать развитие которого кому-то надлежит. И предстаёт этот мир в образе его деятельного строителя – Человека Творящего.

Таким образом просветляется и представление о человеке, как Сыне Божьем, а Второе откровение обретает полноту, поскольку выявляются два человеческих лика – Образ и Подобие – Сын, как объект любви и заботы, и Сын, как продолжатель Творения. По-видимому, такое разделение неизбежно, так как не всем детям Божьим, кажется, по силам заниматься творением мира, хотя каждому обеспечено место и дело в нём. Это и есть долгожданный, всеобъемлющий новый образ – Человек Творящий. Не изощрённый и себялюбивый пользователь – каким он себя сознавал до сих пор, а заботливый и воодушевлённый грандиозностью мира его творческий строитель.

Наш сбитый с толку прагматизмом ум немедленно вопрошает: и что с этим долгожданным, якобы спасительным образом делать? Во что можно его употребить?

Но не для употребления он предназначен. Как Аврааму не во что было употребить образ Единого Бога, кроме собственной – и его последователей – ориентации в мире, когда любое дело приходилось отныне осуществлять немножко по-другому, будучи уже не беспомощной тварью в руках многочисленных могучих богов, а человеком, связанным Заветом взаимной поддержки с Единым Творцом Вселенной.

Как и Иисус не брался употребить своё божественное сыновство на устроение земных дел, но призывал иначе к этим делам относиться, поднимая связь человека со Всевышним до прямого родства.

Это вопрос непосредственной и немедленной ответственности за всё Мироздание, которым единственно надлежит определять, как человеку себя вести. Ситуация новая – как нова она была во времена патриархов и во времена поздней Иудеи, и не все сразу и одновременно проникаются незнакомым прежде самоощущением. Главенствующая в то время Римская империя была далека от подозрения, что уже народился ее будущий разрушитель. Ей суждено было идти своим путем еще около трехсот лет, не ведая, что рядом с ней созревают принципы, которым было предназначено преобразовать человечество. Тем временем, новый отсчёт уже начался.

И пришедший к открытию себя, как Человека Творящего, вынужден будет признать, что мир не стоит на месте, не дожидается его преобразующего творчества и вовсе не расположен внимать его предложениям. Мир вовлечён в массивное всеобщее движение, которое приобрело значительную инерцию, и не в его силах этот сель, всемирный оползень остановить. Приходится предоставить неистовым слепым силам исчерпать свои возможности и довести до конца разрушения, которые они способны совершить, сумев сохранить то, что он в состоянии удержать от гибели.

Значит ли это, что никому никогда не суждено увидеть своё прозрение проникшим в души людей? Получается, что ранняя смерть Христа была для него своего рода благополучным исходом. Можно ли вообразить, что он продолжает жить, десятилетиями наблюдая за искажением своих идей и жестоким преследованием его сторонников, и всё-

таки не дожидаться, как спустя триста лет основанная им церковь испытает первое торжество? Об Аврааме не стоит и говорить – после него людям пришлось дожидаться нового откровения целых двадцать столетий. И уже столько же прошло от Рождества Христова.

Ничего не поделаешь. Эти врата тесны, и сразу многим в них не войти. А человек предпочитает свободу передвижения и выбирает широкие врата и просторный путь существования. Главное, чтобы другой путь, ведущий в жизнь, оставался открытым. Нам ли сетовать, что наши страсти выглядят не быстрой казнью, а мучительным терпением? Боюсь святотатствовать, но может быть значение нового времени несравнимо важнее прежних эпох, потому и бремя наше тяжелее Христова.

Стоит напоследок вспомнить, что даже самый суровый критик нашей действительности – Освальд Шпенглер, не особенно заботившийся о прогностическом аппарате своей «последней философии», всё же предвидел наступление некоего «отрешенного благочестия». Отмечая полное истощение всех теорий общественного устройства, он приходил к выводу о возникающем из душевной потребности и мук совести поиске человечеством тайны, и обещал её обретение в туманном представлении о «второй религиозности».